

ПРИНЦ ПЕТР И НАЧАЛА АНТРОПОЛОГИИ В ГРЕЦИИ

Ключевые слова: история науки, история антропологии, научная биография, принц Петр, Греция, Балканы

В статье рассматриваются биография, взгляды и научные исследования принца Петра Греческого и Датского, считающегося одним из первых профессиональных антропологов Греции. Получивший блестящее образование во Франции и в Великобритании, где в 1930-х годах он учился в знаменитой школе Малиновского, принц Петр выступал за продвижение антропологии как научной дисциплины, жизненно необходимой для современного либерального общества. Многолетние полевые этнографические исследования принца Петра в Азии были новаторскими для антропологии на Балканах середины XX в. Вместе с тем, указывают авторы, его научный путь оказался осложнен перипетиями его личной судьбы. Принадлежность принца Петра к правящей династии, его брак с российской белоэмигранткой, его участие во Второй мировой войне и дипломатическая служба стояли на перекрестках его научной карьеры. Статья основана на архивных исследованиях, некоторые материалы которых публикуются впервые.

Однажды в 1930-х годах на конной прогулке в немецком Шварцвальде видели молодую пару. Предстоящий брак этой пары был делом, решенным гораздо раньше, чем сами молодые даже успели полюбить друг друга. Пара остановилась у дерева, и девушка, достав швейцарский армейский перочинный нож, вырезала на коре имена — свое и своего молодого человека. Рядом она вырезала знак нацистской свастики. Молодой человек, увидев это, мгновенно объявил, что расторгает помолвку.

Эта девушка была принцесса Ганноверская и герцогиня Брауншвейг-Люнебургская — в будущем известная как Фредерика Греческая, королева Греции. Ее спутником был принц Петр Греческий и Датский, сын принца Георга и внук великой княжны Ольги Константиновны (внучки императора Николая I). В будущем о принце Петре часто отзывались как о принце-демократе. Сегодня его считают первым профессиональным антропологом Греции.

Принц Петр получил антропологическое образование в школе Малиновского в Великобритании. Он защитил диссертацию в 1959 г. под руководством Рэймонда Фёрса, ближайшего сподвижника Малиновского. Петр был одним из первых, кто стал указывать на важное значение антропологического знания для построения

Майкл Харкин | Scopus Author ID: 6602112531 | harkin@uwyo.edu | профессор кафедры антропологии | Университет шт. Вайоминг (1000 E. University Ave., University of Wyoming, Laramie, WY82071, USA)

Элли-Мария Папамихаил | <https://orcid.org/0000-0003-3827-4261> | ellymariap@gmail.com | докторант кафедры антропологии | Университет шт. Вайоминг (1000 E. University Ave., University of Wyoming, Laramie, WY82071, USA)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов:
Center for Global Studies, University of Wyoming, <https://doi.org/10.13039/100008106>
The Slater Fund

современного либерального общества и кто осознал огромную потенциальную роль антропологии в противостоянии и противодействии идеологии фашизма. В годы Второй мировой войны он участвовал в сражениях на стороне греческой армии и впоследствии до конца жизни считал себя солдатом. Инцидент, описанный в начале статьи, приведен не столько чтобы художественно приукрасить текст, сколько чтобы показать власть случая в истории — он имел последствия не только лично для принца Петра, но и для политического ландшафта Греции и, как бы это неожиданно ни звучало, для развития социальной антропологии как научной дисциплины в этой стране. После разлада с принцем Петром Фредерика Греческая предпринимала все возможное, чтобы не дать продвижения инициативам и идеям принца Петра, среди которых была и инициатива учреждения социальной антропологии как профессиональной научной области в стране (ЛА ЭМП)¹.

* * *

Согласно известному историографу Джорджу Стокингу, антропологические школы, сформировавшиеся в разных странах, можно подразделить на два условных типа: “националистический”, где антропология выступала “внутренне ориентированной” и была связана тем или иным образом с задачей нациестроительства; и “империалистический”, где антропология была ориентированной “извне” и была связана с задачей составления глобальной базы данных о человеческих обществах, требовавшейся для продвижения имперских интересов. Примером второго типа были антропологические школы Великобритании и Франции XIX–XX вв. Ситуация в антропологических школах Германии и США была несколько сложнее — и в той и в другой обозначились оба типа, выделяемые Стокингом. В Германии это выразилось в том, что область антропологических/этнологических исследований оказалась подразделенной на *Volkskunde* и *Völkerei* (более подробно см., напр.: *Papataxiarchis* 2013: 32–34). В США антропология раннего периода (в частности, времени Боаса и его последователей) была сфокусирована на так наз. проекте “этнографии спасения” и концентрировалась на задаче скрупулезного описания культур американских индейцев, которые считались исчезающими; хотя, с другой стороны, эти антропологические исследования одновременно служили задаче вписывания этих культур в единый контекст нового государственного образования американских колонистов. Данная сфокусированность на “внутренних” культурных меньшинствах сохранялась в антропологии США вплоть до 1960-х годов, когда она постепенно стала уступать место ориентированности на “внешние” территории (например, страны Латинской Америки), над которыми США стремились установить свою гегемонию в новом миропорядке второй половины XX в.

Греция, стремившаяся осмыслить последствия политического присоединения новых территорий в результате Первой и Второй мировых войн, стояла перед лицом схожей задачи — необходимо было описать, объяснить и легитимизировать факт включения негреческих народов в рамки новой греческой нации (*Agelopoulos* 2013: 66). Дополнительным аспектом этой задачи был проект социальной модернизации, подразумевавший создание либерального демократического общественного устройства, в основе которого лежали бы ценности, подкрепляемые антропологией как наукой. Антропология должна была объяснять существование социальной и культурной вариативности, но прежде всего — биологической вариативности в обществе.

Теоретический фундамент и модель для решения подобной задачи уже были заложены в идеях Боаса, развитых, в частности, в его книге “Ум примитивного человека” (*Boas* 1911), которая, как мы могли бы сегодня сказать, была вся проникнута “расовым скепсисом” — в ней Боас последовательно выступал с критикой принятых

в его время взглядов на расу и популярных в его время идей о евгенике. Принц Петр попытался воплотить некоторые из принципов “боасовской” антропологии в свой деятельности. Мысли, изложенные в его книге “Наука антропологии” (Peter 1969), основанной на материале ряда лекций, прочитанных в Греции в 1961–1963 гг., во многом перекликались с мыслями Боаса о культуре и о том, насколько опасным может быть рассмотрение культурных различий с этноцентристских и расистских позиций. Насколько “боасовским” был обобщенный взгляд Петра на феномен культуры, видно из его рассуждений о том, что современный человек является “получателем” культуры и что “многое из того, что мы делаем в ежедневной жизни... продиктовано культурой, а не нашей личной инициативой” (Peter 1969: 17). Что касается термина “раса”, то Петр указывал на его разное истолкование в Греции — обычное понимание, где термин был ближе к понятию “нация”, и биологическое его понимание; причем это последнее Петр разбирал детально, сопоставляя понятия, принятые в физической антропологии, с понятиями, принятыми в генетике. В частности, Петр рассуждал о хромосомном аспекте наследственности и о тех важных последствиях, к которым могли привести те или иные мутации (например, относящиеся к цвету кожи) у групп людей, населявших разные географические области планеты.

Раса, предупреждал Петр, это «термин сложный, легко поддающийся опасным интерпретациям и неверным истолкованиям. В греческом языке запутанность вопроса о том, что значит это слово, еще сильнее, чем в других языках... Когда на греческом мы говорим “греческая раса”, мы не подразумеваем того, что греки принадлежат к какой-то особенной физической расе, но имеем в виду, что наша нация обладает определенным культурным единством, которое отличает ее от других» (Peter 1969: 11).

На языке физической антропологии, указывал Петр, раса до сих пор рассматривается преимущественно с точки зрения фенотипических признаков, “относящихся к внешнему виду организма”, в то время как генотипическим признакам не уделяется должного внимания (хотя, замечал Петр, это происходит, “несомненно, из-за того, что генетические проблемы остаются по большей части неразрешенными”). В своих аргументах и выводах он старался придерживаться “синтезного” видения антропологии и генетики; так, он подразделял процесс эволюции человека и дифференциации человечества по расам на следующие этапы или стадии: “1) случайные мутации; 2) отбор... типов, наиболее приспособленных к условиям проживания... 3) полная адаптация выживших типов к условиям окружающей их среды; 4) миграция отдельных типов в окружающую среду с другими условиями; 5) изоляция этих типов, благодаря которой они в большинстве случаев могут воспроизводиться в соответствии с обычными принципами наследственности” (Peter 1969: 12–14).

Данная книга принца Петра получила по большей части отрицательные отзывы со стороны специалистов, и можно сказать, что в целом в ней нашли отражение упрощенные и устаревшие (на время ее появления) взгляды на антропологию как науку. Это частично объяснялось тем фактом, что основная научная подготовка Петра пала на 1930-е годы, а на последующее десятилетие его научная деятельность оказалась прерванной по причине Второй мировой войны. К тому же эта книга была написана Петром целенаправленно в жанре, так сказать, близком к научно-популярному, нацеленном скорее на широкую аудиторию, чем на узкоспециализированные академические круги — в этом тоже наблюдалась некоторая параллель с творчеством Боаса, который стремился донести антропологическое знание до масс, что отражалось и в формате его музейных выставок, и в жанре некоторых его письменных произведений. Попытка принца Петра переосмыслить основания греческого общества с точки зрения принципов современного плюралистического национального государства (как и другие подобные попытки — в частности, его учителя

Малиновского или последователей Боаса в США) неизбежно споткнулась о политику, причем в его конкретном случае скрестились интересы государственной политики и его собственная принадлежность к правящей династии, и принц Петр оказался здесь в не совсем удачном положении.

Действительно, с одной стороны, родословная принца Петра, наверное, не вполне соответствовала стандартному образу антрополога. Петр родился в Париже в 1908 г. в семье принца Георга I Греческого и принцессы Мари Бонапарт (правнучки Люсьена Бонапарта, младшего брата императора Наполеона Бонапарта), наследницы богатого французского рода Блан, по линии которого к ней перешли владения в Монако и огромные финансовые средства, полученные, по некоторым сообщениям, от доходов казино в Монте-Карло (*Bertin 1982; Pedersen 2006*). Все это указывало на то, что Петр был членом, безусловно, очень состоятельной династии и имел все необходимые ресурсы и возможности для занятий антропологией. Но, с другой стороны, в то время антропология еще нередко воспринималась как “занятие джентльменов”. Мать Петра, Мари Бонапарт, была приверженцем идей Фрейда и одной из первых женщин-психоаналитиков Франции (она перевела на французский язык многие из сочинений Фрейда и, как известно, заплатила выкуп за Фрейда с тем, чтобы тот смог выехать из Австрии во время нацистской оккупации страны). Дед Петра и отец Мари, принц Ролан, был, в свою очередь, любителем естествознания, членом французского Географического общества, проводившим этнографические, географические и биологические исследования в Суринаме. Поэтому, вероятно, не будет преувеличением сказать, что интерес Петра к антропологии был в некоторой степени унаследованным по семейной линии.

Унаследованным, возможно, был и тип отдаленных психологических взаимоотношений с родителями. Мари, судя по всему, испытывала Эдипов комплекс во взаимоотношениях с отцом, Роланом, что было психологической компенсацией за отчужденность отца; Петр, в свою очередь, испытывал подобные чувства по отношению к матери. Однако Петр разделял интерес матери к психоанализу и к работам Фрейда (данный интерес к психоанализу будет в дальнейшем неоднократно проявляться в его антропологическом творчестве). Петр учился в знаменитом французском лицее Жансон-де-Сайи, где его одноклассником был Клод Леви-Строс. Как ни странно, в будущем они не общались (во всяком случае, супруга Леви-Строса не смогла припомнить, чтобы ее муж когда-либо говорил о Петре, хотя вспоминала, что однажды в 1950-х годах они провели вечер в доме принцессы Мари [ЛМА 2018]). По окончании лицея Петр продолжил обучение в Сорбонне, где получил степень доктора юриспруденции. Стоит добавить, что Петр вообще предпочитал находиться вне Греции вплоть до момента реставрации монархии в 1935 г., когда он вернулся в страну, будучи снова потенциальным наследником на трон.

События того времени, разумеется, оказали большое влияние как на личную жизнь, так и на профессиональную деятельность Петра. После того как он разорвал помолвку с принцессой Фредерикой, последняя вышла замуж за двоюродного брата Петра, наследного принца Павла, ставшего через десятилетие королем Греции. Сам Петр женился на Ирине Александровне Овчинниковой (известной также как маркиза де Монлеон по ее первому браку с представителем старинного французского рода), происходившей из семьи крупных российских купцов и коммерсантов Овчинниковых, покинувших Россию после революции 1917 г. Данный брак сыграл решающую роль в том, что за принцем Петром закрепился имидж “маргинализованный” члена королевской фамилии. Родители Петра не приветствовали отношения сына с Овчинниковой — те в итоге вступили в брак без согласия семьи, и брак не был официально признан правящей греческой династией. Принцу Петру и Ирине Овчинниковой было не суждено ни жить в Греции, ни быть похороненными на кладбище королевской резиденции Татой, как того они хотели (см.: *Pedersen 2006*).

Рис. 1. Слева: Принц Петр в русской шапке-ушанке. Справа: Ирина Александровна Овчинникова в пилотке в военные годы.
(Фото из частной коллекции Э.-М. Папамихаил)

Обучение в Лондонской школе экономики под руководством Малиновского принц Петр начал в 1935 г. Малиновский был в близких приятельских отношениях с Мари Бонапарт, возможно, потому что у них был общий интерес к психологии — в частности, к психологии сексуальных отношений и к остро обсуждавшейся в то время проблеме клиторидэктомии (*Frederiksen 2008*). Малиновский даже устроил визит в Париж к Мари Бонапарт для другого своего студента, Джомо Кениата, который в будущем стал первым премьер-министром и президентом Кении (*Murray-Brown 1972: 187; Frederiksen 2008: 31*). После года занятий Петр отправился в антропологическую экспедицию на Ближний Восток, в Индию, Пакистан и на о. Цейлон, в результате которой поставленная перед ним задача изучения полиандрии переросла в его прочный исследовательский интерес, который он сохранил на долгое последующее время. Именно в ходе этой экспедиции, в 1939 г., принц Петр и Ирина Овчинникова обручились в датском консульстве в Мадрасе. Петр позже писал, что во время церемонии его будущая супруга пролила много слез — оба они чувствовали, что находятся на рубеже больших потрясений, последствия которых предсказать было невозможно (*Peter 1969: 16*). Отец Петра, узнав об этом браке, объявил, что отрекается от сына и отказывает ему в праве наследования на престол.

В «Науке антропологии» принц Петр упоминал, что, прежде чем начать заниматься у Малиновского, он записался на семинар известного оксфордского антрополога Роберта Маретта, однако быстро осознал, что более динамичная и экспрессивная манера обучения Малиновского подходила к его собственному образу мышления гораздо больше (*Peter 1969: 34*). В 1920–1930-х годах антропология в Европе во многих аспектах развивалась как реакция на идеи Фрейда. Хотя в британской антропологии эта реакция преимущественно состояла в том, чтобы отместить идеи

Фрейда как малозначимые, Малиновский оставался в числе немногих, кто продолжал искать им теоретическое применение. Несмотря на то что он вступал в острые дебаты с “ортодоксальными” фрейдистами, такими как Эрнест Джонс или Геза Рохейм, сам он пытался найти подтверждение концепции Эдипова комплекса в этнографическом материале (*Liep* 2014: 7). Малиновский утверждал, что в матрилинейных обществах, подобных тробрианскому, главенствующей фигурой выступал брат матери, а не отец; причем в некоторых обществах не было даже оформленного института отцовства и не признавалась роль биологического отца как родителя. Соответственно, при рассмотрении концепции Эдипова комплекса в кросскультурной перспективе необходимо было предположить, что в обществах с разными типами социальной организации в данном “комплексе” могут быть представлены разные действующие лица. Джонс отвечал Малиновскому с фрейдистской ловкостью, что фигуры значимого дяди и незначимого отца в обществе тробрианцев были лишь выражением попытки перенаправить конфликт, возникающий в результате Эдипова комплекса, в другое, альтернативное русло (*Liep* 2014: 8; *Stocking* 1986: 37).

Петру были не чужды эти исследовательские сюжеты, особенно если принять во внимание не только то, что Малиновский был его наставником, но и то, что он сам, Петр, с ранних лет оказался знаком с Гезой Рохеймом. В статье, опубликованной в 1975 г. в бюллетене Королевского антропологического института, Петр указывал, что труды Рохейма, которые “представляют собой уникальную последовательную попытку соединить достижения психоанализа и социальной антропологии”, существенно повлияли на его становление как исследователя (*Peter* 1975: 1). Еще в 1928 г., когда Петру даже не исполнилось 20 лет, состоялась его первая встреча с Рохеймом. Это произошло в доме его матери в Париже, куда Рохейм с супругой пришли, чтобы просить средств у Мари Бонапарт на организацию экспедиции. “Эта встреча, — вспоминал Петр, — оказала большое воздействие на оформление моих собственных интересов и дальнейшей антропологической карьеры” (*Ibid.*: 2). Он уже и так подумывал о возможности посвятить себя антропологическим занятиям, следуя примеру своего деда Ролана. Но после встречи с Рохеймом Петр твердо решил, что ему нужно будет провести психоаналитические исследования среди “примитивных” народов. Однако, чтобы претворить этот план в действие, как с иронией замечал Петр впоследствии, ему потребовалось потратить два года на общее осмысление всего, отдать пять лет на обучение и встретиться на жизненном пути женщину, которая согласится разделить с ним страсть к приключениям. Исследования Рохейма были инновационными в том смысле, что опирались на новый род деятельности как с точки зрения антропологии, так и с точки зрения психоанализа — впервые исследователь с антропологической и психоаналитической подготовкой отправлялся в поле изучать “примитивные культуры”. Петр отзывался о Рохейме как о человеке, у которого был огромный талант к письменному ремеслу, развившийся еще в самом раннем возрасте. Так, его статью “Драконы и убийцы драконов”, опубликованную в 1911 г. и написанную, когда Рохейму не исполнилось еще и 20 лет, Петр считал “первой попыткой применения психоанализа к интерпретативной теории со стороны антрополога” (*Róheim* 1911; *Peter* 1975: 2). А более поздний и более известный труд Рохейма — книга “Загадка Сфинкса или происхождение человека” (*Róheim* 1974 [1934]) — заинтриговал Петра как попытка отойти от традиционного “западного” мышления в понимании других культур и в то же время как попытка саморефлексии. Утверждение Рохейма, что “загадки религии и мифологии можно разрешить, только если попытаться проникнуть в язык сновидений”, на тот момент времени было смелым и новаторским, а его замечания о “несостоятельности” западной культуры как проистекающей из ее “чрезмерной формальности и чрезмерной дисциплинированности” звучали критически острыми (см.: *Peter* 1975: 2–3).

Рассуждая об этой книге Рохейма, Петр признался, что она навела его на размышления о том, что именно заставило его самого заинтересоваться антропологией. И вполне возможно, что к антропологии его в конце концов привели мотивы, более глубокие и более личные, чем просто пример, поданный его дедом Роланом. Петр намекал, что интерес к чтению о других культурах возник у него на самом деле очень рано, поскольку он недолюбливал манеры няни-англичанки и хотел найти доказательство тому, что ценности, которые та старалась привить ему и его сестре, были вовсе не абсолютно правильными и не универсальными. “Я пришел к антропологии, — констатировал Петр, — восставая против собственного воспитания” (Ibid.). Соединяя антропологические поиски с психоаналитическими, он одновременно надеялся найти путь душевного сближения со своей матерью.

В этом присутствовала опять же и определенная параллель с экзистенциальными поисками его ментора, Малиновского, испытывавшего сложные чувства по отношению к матери, которые стали для него своего рода личной “Эдиповой дилеммой”. Как бы то ни было, повышенное внимание к психоанализу и работам Фрейда было отличительной чертой семинаров Малиновского в Лондонской школе экономики в 1930-х годах, когда там оказался принц Петр. На этих семинарах тестировалась концепция Малиновского о том, что фундаментальной основой социальной организации всех обществ была необходимость удовлетворения универсальных биологических потребностей человека. В качестве одной из практических задач в рамках тестирования этой концепции было изучение разнообразных проявлений Эдипова комплекса в разных обществах и культурах. И одним из “крайних” проявлений этого комплекса считался институт полиандрии, который предстояло исследовать принцу Петру и который задал магистральное направление научной деятельности Петра на многие годы вперед.

Следует еще раз упомянуть, что все это происходило в тот специфический период “тридцатых” в Европе, который нередко называли периодом “первой сексуальной революции”. Стараниями австрийского психолога Вильгельма Райха и других ученых и интеллектуалов, развивавших фрейдистские идеи, книга Малиновского “Сексуальная жизнь дикарей” вошла в широкие общественные дебаты о социальном освобождении Европы, одним из частных аспектов которого считалось “сексуальное освобождение”. Учитывая специфику данного контекста, можно сказать, что принц Петр был идеальным учеником для Малиновского, ибо в его мировоззрении антропология несла в себе то самое знание, с помощью которого можно было добиться освобождения от консервативных ценностей буржуазного европейского общества первой половины XX в.

Но в исследовательские планы Петра вмешалась Вторая мировая война. В предвоенный период жизнь принца Петра, как было отмечено ранее, протекала в основном за пределами Греции — в частности, во Франции и в Дании. Первый опыт военной службы Петр получил в Датской королевской лейб-гвардии. Однако после реставрации греческой монархии в 1935 г. Петр приехал в Грецию и в 1937 г. вступил в греческую армию. В 1940 г. премьер-министр Греции Иоаннис Метаксас согласился на предложение принца Петра назначить его главой Миссии по связям с зарубежными странами, с тем чтобы в случае войны можно было организовать эффективную коммуникацию с союзниками. После знаменитого Итальянского ультиматума 1940 г. и начала Итало-греческой войны, ознаменовавшей и начало Второй мировой войны на Балканах, принц Петр, находившийся в Турции вместе с женой, принял решение вернуться в Грецию вместо того, чтобы согласиться на предложение Малиновского переехать в США, подальше от военных действий, где тот был готов предоставить Петру пост научного сотрудника в Йельском университете (Peter 1997: 20–23; ЛШЭ 1940)². Через несколько месяцев, когда греческая армия начала отступать итальянскую, в конфликт вмешалась Германия и, вторгнувшись в страну,

Рис. 2. Слева: Принц Петр в военные годы в горах с букетом эдельвейсов.
Справа: Фото принца Петра с дарственной надписью его коллеге М. Папамихаилу за участие в проекте по исследованию греков Африки.
(Фото из частной коллекции Э.-М. Папамихаил)

в апреле 1941 г. разбила греческие войска. Члены королевской семьи были вынуждены скрыться за пределами Греции. Принц Петр оказался в Каире, где занял пост дипломатического представителя короля Георга II и пост представителя Миссии по связям с союзниками ввиду того, что в Северной Африке также начались военные действия (Sossidis 1997: 8). Единственной положительной стороной этого назначения для принца Петра было то, что в Каире он и Ирина Овчинникова могли жить вместе — здесь, как указывали биографы принца Петра, их все же неофициально считали принцем и принцессой Греции (см.: Pedersen 2006). Это был единственный период их совместной жизни, когда их считали полноправными принцем и принцессой. Они даже смогли отпраздновать годовщину своего брака, организовав торжественную церемонию в Иерусалиме в 1942 г. и выделив при этом значительные средства на пожертвования и благотворительность (в частности, в пользу беженцев из Греции). Несостоявшаяся супруга Петра, принцесса Фредерика, при этом была возмущена и обвинила Петра в растрате средств. Ирина Овчинникова также выделяла средства в фонд помощи солдатам Советской армии. В дальнейшем Петр участвовал в военных действиях в Италии — так, известен один из любопытных “этнографических” (если можно так выразиться) эпизодов его итальянской военной кампании, когда он возглавил отряд солдат-маори во время похода на Рим (Bertin 1982).

Как ни странно, несмотря на героизм, проявленный Петром в годы войны, в высокопоставленных кругах на него нередко смотрели с подозрением — например, в британских правительственных кругах распространялись слухи о том, что он проявлял симпатию к нацистам, хотя такие слухи выглядели абсурдными и их невозможно было ничем подтвердить (Agelopoulos 2013: 74–75). Военная карьера принца Петра завершилась с окончанием Второй мировой войны, хотя формально он был

освобожден от воинской обязанности лишь в 1947 г. после смерти короля Георга II. Надо сказать, что король Георг II, имевший отношения с простой англичанкой Джойс Бриттен-Джонс, в чем-то, возможно, понимал Петра, также имевшего отношения с женщиной некоролевских кровей. В результате в период нахождения Георга II на троне с момента реставрации монархии до его смерти в 1947 г. отношение к принцу Петру и его супруге в высших кругах Греции было более мягким и либеральным, чем оно стало после ухода Георга II и воцарения короля Павла и его супруги Фредерики Греческой.

В связи с этим в послевоенные годы принц Петр предпочел обосноваться в Дании. Хотя в Дании уже существовала институционализируемая программа антропологических исследований, ее общая ориентация существенно отличалась от той, что характеризовала социально-антропологическую программу Лондонской школы экономики при Малиновском. В Дании было налицо влияние немецкой антропологической школы, причем основной акцент ставился на изучение проблем физической антропологии. Петр участвовал в трех датских экспедициях по странам Южной Азии, где в основном занимался антропометрическими исследованиями (*Agelopoulos* 2013: 71). В ходе этих экспедиций он проводил работу в Непале и Индии, где в числе прочего изучал социальное положение тибетских беженцев. Петр провел в регионе почти семь лет, и вопрос о нарушениях прав тибетцев со стороны Китая постепенно стал для него важным как для антрополога. Между Далай-ламой и Петром завязались отношения дружбы и симпатии. Петр стал прилагать все возможные усилия для того, чтобы продвигать антропологические исследования тибетского общества, он изучал их материальную и духовную культуру, практикуя тот род деятельности, который сегодняшние антропологи часто называют “этнографией спасения” (*Brox, Zeitzgen* 2017). Информация об “оппозиционной” работе Петра вскоре дошла до китайских правительственных кругов, и те предприняли дипломатическое давление на правительство Индии, добиваясь и в конце концов добившись высылки принца Петра и Ирины Овчинниковой. Хотя у Петра оставались связи в индийской правительственной элите — в частности, в лице лорда Маунтбеттена, некогда бывшего вице-королем Индии, — им все-таки пришлось покинуть страну.

На этот раз Петр и Ирина решили переехать в Великобританию, где они не были уже очень давно. Петр возобновил занятия в Лондонской школе экономики, теперь под руководством Рэймонда Фёрса. Опыт многолетней полевой работы и тот факт, что в прошлом он был одним из наиболее уважаемых учеников Малиновского, помогли ему успешно завершить докторантуру за два года по возвращении. Его диссертационным исследованием стал фундаментальный 600-страничный труд “Исследование полиандрии” (*Peter* 1963). Тем не менее, судя по отдельным ремаркам Фёрса и некоторым отзывам других преподавателей кафедры, этот труд не был встречен с особенным энтузиазмом в научных кругах. Исследование, замечал Фёрс, “было неоднородным по качеству”, однако содержащийся в нем “объем оригинальных данных по тибетской полиандрии является непреходящим вкладом в литературу по этой все еще не совсем ясной теме” (*Firth* 1980: 13). Хотя Петр был действительно опытным этнографом-полевиком, он, видимо, уже не шел в ногу со временем с точки зрения академической науки рубежа 1950–1960-х годов. Так, он сумел собрать интереснейший этнографический материал по брачным отношениям у индийского народа тода, который был по достоинству оценен Фёрсом. Но в теоретическом и концептуальном смысле его работа по-прежнему основывалась на положениях “старой” антропологии довоенного периода, сконцентрированной преимущественно на структурно-функциональных моделях Рэдклифф-Брауна и Дюркгейма и на культурно-психологических концепциях Малиновского, наложенных на довольно поверхностное понятие о современных проблемах физической антропологии, почерпнутое Петром за время его участия в датских экспедициях.

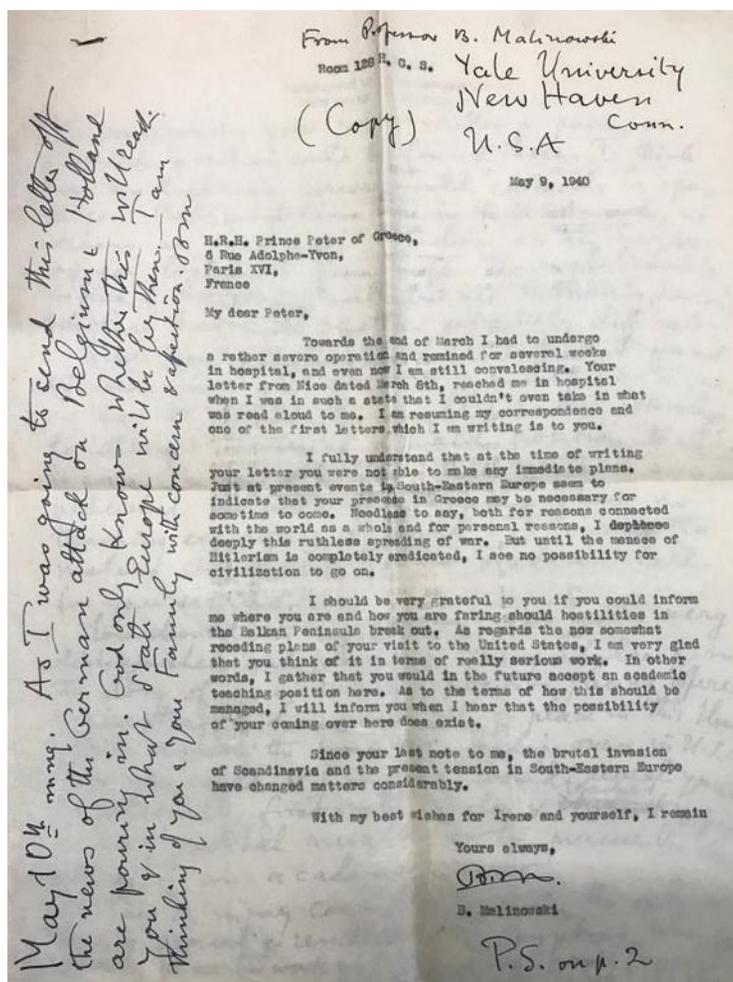

Рис. 3. Письмо Б. Малиновского принцу Петру от 9 мая 1940 г., в котором обсуждается перспектива приглашения принца Петра на преподавательский пост в Йельском университете в США. Архив Лондонской школы экономических и политических наук (London School of Economics and Political Science)

Принц Петр вступил в свою “взрослую” фазу антропологической работы как раз в тот период, когда антропология ушла от него вперед в своем развитии, впитав новые идеи, концепции и теории (такие как структурализм, культурные и социальные изменения и т.д.), к восприятию которых Петр оказался уже не готов. Конечно же, в антропологии он продолжал видеть потенциал как в новой науке, которая способна помочь “освободить общество”; но в его понятии эта антропология, которая должна была вести к установлению современного либерального общественного устройства в Греции, оставалась ограниченной рамками академических дискуссий британской науки 1930-х годов и гуманистической критики расизма в духе Боаса. В его книге “Вечный вопрос: исследование сегодняшних мировых тенденций” (Peter 1952) поднимались, на самом деле, актуальные проблемы противостояния Востока и Запада, культур, взращенных в социально-историческом контексте “евразийской степи”, и культур, взращенных в социально-историческом контексте “водных коммуникаций Средиземноморья”, причем Петр рассуждал даже о том, что холодная

война не была новым явлением, а уходила корнями в далекий конфликт между греками и персами. Однако с теоретико-концептуальной точки зрения его рассуждения уже казались наивными для его современников, которые отзывались о данной книге как о “сборнике здравых, но не совсем новых выводов”, “интересных, но отчасти дилетантских” (*Somervell* 1953: 75). Как резюмировал Фёрс, принц Петр не стал теоретиком, который бы работал на “высоком систематическом уровне... однако его широкий кругозор и чувство любопытства ко всему, а также большая проницательность в понимании человеческих отношений позволили ему сделать огромное количество интересных наблюдений” (*Firth* 1980: 13).

* * *

На научную карьеру (как и на общий жизненный путь) принца Петра следует смотреть не столько с точки зрения неудач, сколько с точки зрения нереализованных возможностей — с точки зрения того, что, в принципе, могло бы случиться и осуществиться, но не случилось и не осуществилось. Постоянным препятствием для Петра был оппозиционный настрой по отношению к нему со стороны королевской семьи, в частности Фредерики Греческой, его несостоявшейся супруги. Но на его пути тем или иным образом оказывались и другие препятствующие обстоятельства — например, обвинение его в нацистских симпатиях в Великобритании или причисление его к коммунистам в США. На самом деле он не был замечен в каких-либо идеологических привязанностях. В академической антропологической среде, наоборот, ему, наверное, слишком везло, к нему все относились со снисходительностью, будь то Малиновский, находившийся в дружественных отношениях с Мари Бонапарт, или Фёрс, находившийся в дружественных отношениях с Малиновским. Обучение в Лондонской школе экономики он завершил с минимумом проблем, хотя, конечно, надо признать, что этому в немалой степени способствовал и его огромный многолетний опыт полевой работы. Стоит вспомнить, что у Петра были и разнообразные возможности, которыми он не захотел воспользоваться — так, Малиновский дважды предлагал ему пост в Йельском университете. В некотором смысле можно сказать, что антропология для Петра была и осталась тем самым занятием европейских джентльменов-аристократов старого времени, с помощью которого последние стремились отделиться от малоинтересной им домашней буржуазной среды.

Те, кто были знакомы с принцем Петром, отзывались о нем как о человеке скромном. Он не был очень харизматичным. Несмотря на его эlegantный статный вид и манеры, его выправку военного и доблестный послужной список, он не был такой бравой фигурой, какой был, скажем, его дед Ролан. Несомненно, это сыграло свою роль в том, что его призывы к изучению антропологии как сферы знания, способной улучшить наше собственное общество, не получили должного отклика. Тем не менее его интуиция и прогнозы часто оправдывались — фашизм, как он опасался и предсказывал, установил свое господство на социально-политической сцене уже через шесть лет после того, как он предупреждал об этом в лекциях по антропологии, прочитанных в Греции.

Принц Петр скончался 15 октября 1980 г. в Лондоне в возрасте 71 года³. Размышляя о профессиональной карьере принца Петра, как она сложилась, всегда начинаешь размышлять и о том, как она могла бы сложиться, если бы обстоятельства были другими. Вполне можно предположить, что взаимоотношения между Грецией и арабскими странами развивались бы в другом, более позитивном русле, если бы Петр взшел на королевский трон. Принц Петр и саудовский король Сауд ибн Абдул-Азиз Аль Сауд были в чем-то близки по духу и разделяли гуманистические (но, возможно, ностальгические) взгляды на Ближний Восток как на толерантное культурное пространство, открытое для взаимодействия всех находящихся в нем

Рис. 4. Слева: Принц Петр во время чтения лекции в Греческом антропологическом институте в 1961 г. Справа: Принц Петр в последнее десятилетие жизни с автором статьи, Э.-М. Папамихаил. 1975 г.

(Фото из частной коллекции Э.-М. Папамихаил)

этнических и социальных групп. Такие кантианские идеалы в приложении к антропологии представляются наивными в наш циничный век, но, с другой стороны, отвергнуть их как “не достойные” сегодняшней антропологии было бы, наверное, худшим проявлением идеологии презентизма в науке.

Примечания

¹ Сведения о данном инциденте содержатся в личном архиве Э.-М. Папамихаил и были получены от принца Петра отцом автора статьи, М. Папамихаилом, являвшимся близким другом и коллегой принца Петра. На протяжении более 40 лет знакомства принц Петр и М. Папамихаил совместно участвовали во многих экспедициях по арабским странам, а также в некоторых поездках по странам Европы и Африки. Принцем Петром были написаны вводные части к двум книгам М. Папамихаила. Инцидент описан также знаменитой греческой журналисткой Э. Влаху, бывшим главным редактором афинской газеты *Η Καθημερινή* (Вλάχου 1992: 27).

² “Текущие события в Юго-Восточной Европе, — писал Малиновский принцу Петру в частном письме от 9 мая 1940 г., — указывают, похоже, на то, что Ваше присутствие в Греции может оказаться необходимым на некоторое время. Надо ли говорить о том, что это безжалостное распространение войны для меня глубоко отвратительно как по причинам личного характера, так и по причинам, касающимся мира как единого целого. <...> Что же касается Ваших теперь уже отдаляющихся планов приезда в Соединенные Штаты, я очень рад, что Вы смотрите на них как на возможность очень серьезной работы. Иными словами, насколько я разумею, в будущем Вы все-таки согласились бы занять преподавательский пост здесь. А в отношении условий того, как все это организовать, я проинформирую Вас, как только услышу, что перспектива Вашего приезда сюда существует” (ЛШЭ 1940).

³ Люди, окружавшие его, отмечали, что традиционно он старался вести здоровый образ жизни; в частности, его коллега М. Папамихаил вспоминал, как Петр всегда укорял его за излишний вес и курение. Тем не менее, по сообщению личного адъютанта Петра Д. Мастакуриса, произошло что-то внезапное, в результате чего за шесть месяцев до кончины у Петра стало сильно подниматься давление и объем его сердца увеличился практически вдвое. В лондонской гостинице у него произошел сердечный приступ (ЛА ЭМП).

Пер. с англ. А.Л. Елфимова

Источники и материалы

- ЛА ЭМП — Личный архив Э.-М. Папамихаил.
 ЛМА 2018 — Личные материалы автора (интервью Э.-М. Папамихаил с М. Леви-Строс).
 ЛШЭ 1940 — Письмо Б. Малиновского принцу Петру от 09.05.1940 г. // Архив Лондонской школы экономических и политических наук (London School of Economics and Political Science).
Βλάχου 1992 — *Βλάχου Ε.* Πενήντα Και Κάτι // Η Καθημερινή. 1992. τ. Β' εκδ.

Научная литература

- Agelopoulos G.* Multiple Encounters: Attempts to Introduce Anthropology to Greece during the 1940s–1960s // *The Anthropological Field on the Margins of Europe, 1945–1991* / Ed. A. Bošković, C. Hann. Zürich: LIT, 2013. P. 65–84.
Bertin C. Marie Bonaparte. P.: Perrin, 1982.
Boas F. *The Mind of Primitive Man.* N.Y.: Macmillan, 1911.
Brox T., Zeitzen M.K. When Tibet Came to Prince Peter: Tibetan–Danish Relations through a Stationary Expedition in the 1950ies // *The Tibet Journal.* 2017. Vol. XLII (1). P. 13–35.
Firth R. Obituary // *Royal Anthropological Institute News.* 1980. Vol. 41. P. 13.
Frederiksen B.F. Jomo Kenyatta, Marie Bonaparte and Bronislaw Malinowski on Clitoridectomy and Female Sexuality // *History Workshop Journal.* 2008. Vol. 65. P. 23–48.
Liep J. The Trobriandization of the Western World: Bronislaw Malinowski and the Sexual Revolution // *Suomen Antropologi: Journal of the Finnish Anthropological Society.* 2014. Vol. 39 (4). P. 5–20.
Murray-Brown J. Kenyatta. L.: Allen & Unwin, 1972.
Papataxiarchis E. From “National” to “Social Science”: Politics, Ideology, and the Disciplinary Formation in Greek Anthropology from the 1940s till the 1960s // *The Anthropological Field on the Margins of Europe, 1945–1991* / Ed. A. Bošković, C. Hann. Zürich: LIT, 2013. P. 31–64.
Pedersen P. Out of India: Prince Peter of Greece and Denmark and the Greek Royal Family // *Folk.* 2006. Vol. 46/47. P. 180–200.
Peter H.R.H. *Prince of Greece and Denmark.* The “Eternal Question”: A Study of Present-Day World Trends. Copenhagen: Rosenkilde & Bagger, 1952.
Peter H.R.H. *Prince of Greece and Denmark.* A Study of Polyandry. The Hague: Mouton, 1963.
Peter H.R.H. *Prince of Greece and Denmark.* The Science of Anthropology: A Series of Lectures. The Hague: Mouton, 1969.
Peter H.R.H. *Prince of Greece and Denmark.* Géza Róheim: Psychoanalytic Anthropologist // *Royal Anthropological Institute News.* 1975. Vol. 11. P. 1–5.
Peter H.R.H. *Prince of Greece and Denmark.* *Himerologia Polemou, 1940–1941* / Ed. I.N. Sossidis. Vol. I. Athens: Idrima Goulandri-Horn, 1997.
Róheim G. Dragons and Dragon Killers // *Ethnographia.* 1911. Vol. 22. P. 128–143.
Róheim G. The Riddle of The Sphinx or Human Origins. N.Y.: Harper & Row, 1974 [1934].
Somervell D.C. Review of The “Eternal Question”: A Study of Present-day World Trends, by H.R.H. Prince Peter of Greece // *International Affairs.* 1953. Vol. 29. P. 75–76.
Sossidis I.N. Prologue // *Peter H.R.H. Prince of Greece and Denmark.* *Himerologia Polemou, 1940–1941* / Ed. I.N. Sossidis. Vol. I. Athens: Idrima Goulandri-Horn, 1997.
Stocking G.W., Jr. Anthropology and the Science of the Irrational: Malinowski’s Encounter with Freudian Psychoanalysis // *Malinowski, Rivers, Benedict and Others: Essays on culture and Personality* / Ed. G.W. Stocking. Madison: University of Wisconsin Press, 1986. P. 13–49.

Research Article

Harkin, M.E., and E.-M. Papamichael. Prince Peter and the Beginnings of Anthropology in Greece [Prints Piotr i nachala antropologii v Gretsii]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 5, pp. 68–81. <https://doi.org/10.31857/S086954150007378-5> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Michael E. Harkin | Scopus Author ID: 6602112531 | Harkin@uwyo.edu | University of Wyoming (1000 E. University Ave., University of Wyoming, Laramie, WY82071, USA)

Elly-Maria Papamichael | <https://orcid.org/0000-0003-3827-4261> | ellymariap@gmail.com | University of Wyoming (1000 E. University Ave., University of Wyoming, Laramie, WY82071, USA)

Keywords

Greece, Balkans, history of anthropology, biography, Prince Peter

Abstract

The article discusses the life and career of Prince Peter of Greece and Denmark who is considered the first professional anthropologist in Greece. Having studied under Bronislaw Malinowski at the London School of Economics in the 1930s, Prince Peter embarked on a life-long journey into anthropology which became his enduring passion and personal quest. This journey, however, was full of obstacles and was complicated by his being a member of the royal family, participation in World War II, as well as vicissitudes of his private and public life. Nevertheless, he left an important legacy behind, both as an outstanding fieldworker with an impressive record of ethnographic research in Asia, and as an activist who was a forerunner in understanding anthropology's potential for building a modern liberal society and fighting fascist ideology. The article draws on archival research and unique sources some of which have never been published before.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
Center for Global Studies, University of Wyoming, <https://doi.org/10.13039/100008106>
The Slater Fund

References

- Agelopoulos, G. 2013. Multiple Encounters: Attempts to Introduce Anthropology to Greece during the 1940s–1960s. In *The Anthropological Field on the Margins of Europe, 1945–1991*, edited by A. Bošković and C. Hann, 65–84. Zürich: LIT.
- Bertin, C. 1982. *Marie Bonaparte*. Paris: Perrin.
- Boas, F. 1911. *The Mind of Primitive Man*. New York: Macmillan.
- Brox, T., and M.K. Zeitzen. 2017. When Tibet Came to Prince Peter: Tibetan-Danish Relations through a Stationary Expedition in the 1950ies. *The Tibet Journal* XLII (1): 13–35.
- Frederiksen, B.F. 2008. Jomo Kenyatta, Marie Bonaparte and Bronislaw Malinowski on Clitoridectomy and Female Sexuality. *History Workshop Journal* 65: 23–48.
- Firth, R. 1980. Obituary. *Royal Anthropological Institute News* 41: 13.
- Liep, J. 2014. The Trobriandization of the Western World: Bronislaw Malinowski and the Sexual Revolution. *Suomen Antropologi: Journal of the Finnish Anthropological Society* 39 (4): 5–20.
- Murray-Brown, J. 1972. *Kenyatta*. London: Allen & Unwin.
- Papataxiarchis, E. 2013. From “National” to “Social Science”: Politics, Ideology, and the Disciplinary Formation in Greek Anthropology from the 1940s till the 1960s. In *The Anthropological Field on the Margins of Europe, 1945–1991*, edited by A. Bošković and C. Hann, 31–64. Zürich: LIT.
- Pedersen, P. 2006. Out of India: Prince Peter of Greece and Denmark and the Greek Royal Family. *Folk* 46/47: 180–200.
- Peter, H.R.H. Prince of Greece and Denmark. 1952. *The “Eternal Question”: A Study of Present-Day World Trends*. Copenhagen: Rosenkilde & Bagger.
- Peter, H.R.H. Prince of Greece and Denmark. 1963. *A Study of Polyandry*. The Hague: Mouton.
- Peter, H.R.H. Prince of Greece and Denmark. 1969. *The Science of Anthropology: A Series of Lectures*. The Hague: Mouton.
- Peter, H.R.H. Prince of Greece and Denmark. 1975. Géza Róheim: Psychoanalytic Anthropologist. *Royal Anthropological Institute News* 11: 1–5.
- Peter, H.R.H. Prince of Greece and Denmark. 1997. *Himerologia Polemou, 1940–1941*, edited by I.N. Sossidis, vol. I. Athens: Idrima Goulandri-Horn.
- Róheim, G. 1911. Dragons and Dragon Killers. *Ethnographia* 22: 128–143.
- Róheim, G. (1934) 1974. *The Riddle of the Sphinx or Human Origins*. New York: Harper & Row.
- Somervell, D.C. 1953. Review of *The “Eternal Question”: A Study of Present-day World Trends*, by H.R.H. Prince Peter of Greece. *International Affairs* 29: 75–76.
- Sossidis, I.N. 1997. Prologue. In *Himerologia Polemou, 1940–1941*, by Peter, H.R.H. Prince of Greece and Denmark, edited by I.N. Sossidis. Vol. I. Athens: Idrima Goulandri-Horn.
- Stocking, G.W., Jr. 1986. Anthropology and the Science of the Irrational: Malinowski's Encounter with Freudian Psychoanalysis. In *Malinowski, Rivers, Benedict and Others: Essays on Culture and Personality*, edited by G.W. Stocking, Jr., 13–49. Madison: University of Wisconsin Press.